

прежние пороки: социальная структура промышленно развитых народов характеризует семейно-родовыми институтами, нарушены элементарные требования историзма и свалены в одну кучу данных разных эпох: начало нашей эры (римляне), XI в. (исландцы), XVI в. (инки, ацтеки), XVII в. (гуроны, каллиаго), XVIII в. (крики), XIX в. (андаманцы, шеренте, квакиютль и т. д.), XX в. (бирманцы, голландцы, аймара, зуни и т. д.). Этнографический мир от века к веку изменялся, следовательно, и модель его не может быть единой для всех веков.

Н. А. Бутинов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ Т. ХЕЙЕРДАЛА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛИНЕЗИИ

Archeology of Easter Island. Reports of the Norwegian archaeological expedition to Easter Island and the East Pacific. Vol. I. Monographs of the School of American Research and the Museum of New Mexico, № 24, part 1, Chicago, New York, San Francisco, 1961, 559 стр., 138 илл. в тексте, 96 табл.; Miscellaneous papers. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific. Vol. 2. Monographs of the School of American Research and the Kon-Tiki Museum, № 24, part 2, Stockholm, 1965, 512 стр., 195 илл. в тексте, 60 табл.

С октября 1955 г. до середины 1956 г. в Океании работала экспедиция, организованная известным норвежским путешественником и ученым Туром Хейердалом. В качестве района раскопок была выбрана Юго-Восточная Полинезия, так как систематические раскопки здесь никогда не велись (вообще в Полинезии до 1955 г. серьезные раскопки проводились только на Новой Зеландии, Гавайских островах и отчасти на Тонга). Знания ученых базировались лишь на этнографических исследованиях, фольклорных традициях и скудном подъемном археологическом материале.

Покинув в сентябре 1955 г. Осло, экспедиция посетила Галапагосские о-ва, Сала-и-Гомес и в октябре прибыла на о-в Пасхи, раскопки на котором были закончены лишь в начале апреля 1956 г. Затем экспедиция посетила еще ряд островов Полинезии: Питкэрн, Мангареву, Рапа-Ити, Маркизские и другие.

В 1961 г. вышел из печати первый том трудов экспедиции Т. Хейердала «Археология острова Пасхи» (в наших библиотеках он появился, к сожалению, с большим опозданием; в Ленинграде, например, лишь в середине 1964 г.). В этом томе опубликованы статьи-отчеты археологов — участников экспедиции — Э. Фердона, У. Мэлоя, К. Смита и А. Шельсволда; сам Т. Хейердал написал вводный и заключительный разделы (совместно с Фердоном), а также статью о различных археологических находках на поверхности.

В конце 1965 г. в Швеции вышел второй том трудов экспедиции, в котором напечатаны статьи шестнадцати исследователей нескольких стран (Норвегии, США, Швеции, Чили, Австралии, ФРГ и СССР), посвященные многим вопросам археологии, антропологии и этнографии народов Полинезии.

Первый том трудов экспедиции целиком посвящен работе археологов на о-ве Пасхи.

Почти 25 лет назад, еще будучи студентом-зоологом университета в Осло, Хейердал побывал на Маркизских островах. Именно там он пришел к мысли, что существующая теория заселения Полинезии из Азии неверна и что первые поселенцы далеких островов прибыли не из Азии, наперекор ветрам и течениям, а из Южной Америки. Позднее, в 1952 г., он подробно изложил в своей книге «Американские индейцы на Тихом океане»¹ гипотезу о двух миграционных волнах из Америки в Полинезию: первая волна состояла из людей доинкской культуры, живших около оз. Титикака и на перуанском побережье, а вторая волна прибыла с северо-западного побережья Северной Америки (с территории, населенной нутка и квакиютль).

В задачи новой экспедиции Хейердала входило найти археологические данные, которые подтвердили бы гипотезу о южноамериканском заселении Полинезии.

Большая вводная глава первого тома охватывает не только сведения о географическом положении о-ва Пасхи, его климате, флоре и фауне, но и события легендарного прошлого рапануицев и историю открытия острова. В этой главе, однако, Хейердал приводит главным образом такие данные, которые подтверждают его гипотезу.

¹ Th. Heyerdahl, *American Indians in the Pacific*, London, 1952.

Далее следуют отчеты, посвященные результатам раскопок, проведенных на о-ве Пасхи. Места археологических раскопок распадаются на две группы — церемониальные центры и жилища. Археологи экспедиции изучили каменные платформы *аху*, а также постройки, статуи и петроглифы Оронго, связанные с культом птиц.

Часть археологического материала, обнаруженного Норвежской экспедицией, была подвергнута радиоуглеродному анализу. Основываясь на материалах раскопок церемониальных построек (*аху*), их стиле и архитектурных особенностях, археологи экспедиции наметили три периода в истории о-ва Пасхи (том I, отчет № 17):

I (ранний) период — около 400 г.—1100 г. н. э.

II (средний) период — 1100—1680 гг.

III (поздний) период — 1680—1868 гг.

Обнаруженные во рву Поике остатки древесного угля датируются примерно 386 г., что позволило ученым экспедиции отнести заселение о-ва Пасхи ко времени до 400 г., а не к XII—XVI вв., как считали ранее К. С. Раутледж, С. Энглерт, А. Метро, А. Лавашери, Т. Бартель. Авторы ряда рецензий на первый том трудов экспедиции (Т. Бартель, Р. Дафф, Дж. Голсон)² ставят под сомнение как эту дату заселения о-ва Пасхи и предложенную Хейердалом периодизацию, так и всю его южноамериканскую гипотезу. Однако некоторые сторонники заселения Полинезии из Юго-Восточной Азии (К. Эмори, Р. Сагс, С. Элберт)³ тоже придерживаются даты раннего заселения о-ва Пасхи. Так, К. Эмори полагает, что этот остров был заселен в IV—V вв., а к 1000 г. полинезийцы обосновались на всех крупных островах юго-восточной Полинезии.

Эмори считает, однако, что ранний период (в хронологии Норвежской экспедиции) должен быть разделен на два: период заселения (начиная с 386 г. ± 100) и период строительства *аху* хорошей кладки (начиная с 852 г. ± 100). Перуанское влияние на строительство *аху* теоретически возможно, однако распространять его на период заселения острова, как делает Хейердал, вряд ли правомерно: подобных каменных построек в начале раннего периода не было.

По мнению археологов экспедиции, в первый период *аху* представляли собой прямоугольные платформы-алтари, хорошей кладки, без захоронений внутри; они были обращены в сторону моря и солнца в моменты солнцестояния. Статуи того периода (выполненные в довольно реалистической манере) были небольших размеров, без пукао (красных цилиндров-шапок). Ставились ли они на *аху* или нет, пока неизвестно. Этим же временем датируются и постройки в Оронго, которое, по мнению участников экспедиции, было местом наблюдения за солнцем и центром церемоний, связанных с культом бога Макемаке.

Аху второго периода обращены в сторону внутренних районов острова. Для этого периода характерно меньшее внимание к кладке, зато больше внимания уделялось созданию сильно стилизованных статуй и расстановке их на платформах. Часть построек в Оронго (например комплекс А) была временно заброшена. Затем строительство возобновилось: некоторые *аху* первого периода и каменная терраса в Оронго подновляются и перестраиваются. В Оронго появляются новые постройки, связанные с появившимся в средний период культом птиц.

Начало третьего периода ознаменовалось истреблением ханау еепе («длинноухих»)⁴ и прекращением работ по возведению статуй. Вместо *аху* стали возводить полупирамидальные сооружения, которые служили островитянам местом погребения. Статуи, стоявшие на *аху*, были сброшены.

² См., например, рецензию Th. Barthel в «American Anthropologist», 1963, vol. 65, № 2; R. Duff, Archeology on Easter Island. A review article, «The Journal of the Polynesian Society», 1964, vol. 73, № 1; J. Golson, Thor Heyerdahl and the prehistory of Easter Island, «Oceania», vol. XXXVI, № 1, 1965; его же, рец. в журн. «Man», 1965, vol. LXV, art. 54.

³ R. C. Suggs, The derivation of Marquesan culture, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1961, vol. 91, part 1; его же, The archaeology of Nuku Hiva, Marquesas Islands, French Polynesia, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», 1961, vol. 49, pt. 1, стр. 174—178; S. H. Elbert, Internal relationships of Polynesian languages and dialects, «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, vol. 9, № 2; K. P. Emory, East Polynesian relationships, «The Journal of the Polynesian Society», 1963, vol. 72, № 2; его же, рец. в «American Antiquity», 1963, vol. 28, № 4, стр. 565—567 (в этой рецензии Эмори отмечает, что ров на Поике вряд ли был оборонительным сооружением; скорее он предназначался для разведения бананов, таро, ямса и других растений); K. P. Emory, Y. H. Sinoto, Préhistoire de la Polynésie, «Journal de la Société des Océanistes», 1964, t. XX, № 20.

⁴ Переводит: «ханау еепе» и «ханау момоко» соответственно «длинноухие» и «короткоухие» — явно неверно. См. об этом: Ю. В. Кнорозов, Легенды о заселении острова Пасхи, «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 152—153.

Каменные алтари аху раннего периода, обращенные в сторону солнца, продолговатые постройки в Оронго, петроглифы на скалах Оронго, культ бога Макемаке — все это не опровергает, думается, того, что о-в Пасхи был открыт и заселен полинезийцами.

Выступая с докладом на XI Тихоокеанском научном конгрессе в Токио (август — сентябрь 1966 г.), Хейердал высказал мысль о неполинезийском характере религии рапануйцев. Но даже тот скудный материал, которым сейчас располагают исследователи, показывает, что верховные боги полинезийцев (Тане, Танга Роа, Ронго) известны и на о-ве Пасхи.

В конце раннего периода рапануи, как и другие полинезийцы, поклонялись, видимо, могущественному богу Тане.

А. Метро, сопоставляя функции бога Макемаке и других божеств Полинезии, высказал предположение, что Макемаке является локальным, рапануийским именем для Тане, известного на многих островах как бог света, солнца и создатель человека⁵. На Гавайских островах, например, дома были обращены фасадом на восток — в знак поклонения Тане и солнцу. Сходство Макемаке (бога, создавшего землю, луну, звезды и первых живых существ — прародителей человека) с общеполинезийским Тане — очевидно. Однако в памяти жителей о-ва Пасхи сохранилось в силу каких-то причин не имя бога Тане, а его эпитет «Макемаке» (восходящий, вероятно, к Хаумакемаке 'антропофаг')⁶.

В ранний период возник, по всей видимости, и культ птицы (рапануийские легенды связывают возникновение культа птицы с именем бога Макемаке). В средний период, в связи с появлением новых переселенцев (очевидно, с Мангаревы), культ птицы претерпевает сильные изменения⁷.

Обобщая материалы археологических раскопок 1955—1956 гг. (в Заключении к первому тому трудов экспедиции), Хейердал по-прежнему связывает ранний период истории о-ва Пасхи с прибытием древних перуанцев. Подробно эти вопросы были освещены им еще в 1952 г.

Новая волна переселенцев — полинезийцы — прибыла, по мнению Хейердала, 20 поколений спустя. Как он полагает, именно они дали толчок к возобновлению и перестройке аху и церемониальных сооружений на о-ве Пасхи.

Третий период Хейердал связывает только с полинезийцами, которые вышли победителями в борьбе с «длинноухими» — потомками перуанцев (так называемая война ханау еепе и ханау момоко, о которой рассказывают рапануийские предания).

На о-ве Пасхи имеется огромное количество пещер, которые служили рапануийцам жилищами, убежищами во время военных столкновений, складами, местами погребений. Раскопки двух пещер — Пуапуа и Охас — дали возможность экспедиции Хейердала выделить два слоя. В первом слое нет обсидиановых наконечников матаа или они редки, во втором они встречаются часто и к тому же наряду с предметами, завезенными европейцами (о-в Пасхи был открыт в 1722 г. голландским адмиралом Я. Роггевеном). Экспедиция показала соответствие второго слоя третьему (позднему) периоду в истории о-ва Пасхи.

На юго-востоке о-ва Пасхи расположен один из наиболее интересных объектов для раскопок — вулкан Рано-Параку. Это каменоломня и главная мастерская, где рапануицы некогда высекали свои знаменитые статуи (моаи). Многие путешественники и исследователи о-ва Пасхи сообщали о каменных идолах, но только экспедиции К. С. Раутледж (в 1914—1915 гг.) удалось осветить многие проблемы Рано-Параку. К сожалению, Раутледж не успела претворить в жизнь свои планы — задуманный ею серьезный труд остался незавершенным, а ее записки после смерти исследовательницы были утрачены. Поэтому члены экспедиции Хейердала решили предпринять раскопки и в этом районе острова. Во время раскопок на Рано-Параку археологами была сделана одна из самых интересных находок: обнаружена необычная коленопреклоненная статуя.

Сходство древнеперуанской скульптуры с коленопреклоненным идолом о-ва Пасхи (как и с каменными изваяниями Маркизских островов и о-ва Раивавае) говорит, по мнению А. Шельсволда и других членов экспедиции, о контактах, существовавших некогда между Южной Америкой и Полинезией (том I, отчет № 14).

Бартель считает, однако, что сходство между статуей, обнаруженной экспедицией, и статуями Тиахуанако наметить трудно. По его мнению, эту статую не следует датировать ранним периодом, так как отдельные детали ее указывают на сходство этой находки со статуями из Рано-Параку, которые относятся ко второй половине среднего

⁵ A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940, p. 314.

⁶ Там же, стр. 311—312; И. К. Федорова, Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник, Автореф. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук, Л., 1966, стр. 6.

⁷ И. К. Федорова, Артеон на острове Пасхи, «Сов. этнография», 1966, № 4.

периода. Метро также отмечал, что более различные стили, чем в Тиахуанако и на о-ве Пасхи, найти трудно⁸.

Э. Фердон приводит целый ряд параллелей, которые, по его мнению, говорят в пользу гипотезы Т. Хейердала о южноамериканском заселении Полинезии. культ солнца на о-ве Пасхи и у древних инков; скульптурные изображения человека-птицы найдены не только в Полинезии, но и в Южной Америке (Тиахуанако), некоторые особенности каменных сооружений на о-ве Пасхи характерны для построек Андской области (Перу, Аргентина); большое сходство между кохау ронгоронго и андским письмом и др. (том I, отчет № 3, «Заключение»).

Норвежской экспедицией опубликованы также отчеты о способах погребения, о различных типах жилых построек; описаны орудия труда рапануйцев — скребки, рыболовные крючки, костяные иглы и др.

Экспедицией собран разнообразный материал, который не утратил своей ценности и впредь, несмотря на то, что выводы Хейердала, как отмечают многие рецензенты, поспешны, а с его интерпретацией многих находок не всегда можно согласиться.

Археологи экспедиции не отрицают, что многие черты рапануйской культуры — язык, культурные растения, типы телес, лодки с аутригером и некоторые другие — имеют распространение в Полинезии и проникли на о-в Пасхи оттуда. Однако, по мнению Фердона (том I, стр. 527—535), недостаточно большой объем археологических работ в этом районе Тихого океана не позволяет пока сказать, когда и с каких островов эти черты попали на о-в Пасхи.

Археологические раскопки, проведенные в последние годы в Полинезии (на о-вах Самоа, Тонга, Маркизских, Питкэрн и др.), а также лингвистические и другие изыскания дали новые материалы, которые опровергают гипотезу Хейердала и показывают, что вся Восточная Полинезия, в том числе и о-в Пасхи, была заселена выходцами из Юго-Восточной Азии⁹. Вот некоторые выводы, которые вытекают из этих исследований:

1. Заселение Полинезии шло с запада на восток.
2. Маркизские острова, заселенные около 124 г. до н. э. (± 150), служили основной базой, откуда миграционные волны отправлялись на другие острова Восточной Полинезии.

3. Остров Пасхи был заселен с Маркизских островов довольно рано (в IV—V вв.), еще до заселения Гавайских островов и Новой Зеландии.

4. Хотя в Полинезии и не была обнаружена американско-индейская культура, культурные контакты между Южной Америкой и Полинезией несомненно были, и притом довольно рано (примерно с VIII в. н. э.). В культуру о-ва Пасхи американские элементы могли проникнуть не прямо из Южной Америки, а с других островов Восточной Полинезии, например Маркизских.

Второй том трудов Норвежской экспедиции открывается рядом статей-отчетов (Т. Хейердала, У. Мэллоя, Э. Фердона, А. Шельсволда, К. Смита, Г. Фигероа, С. Санчеса), посвященных раскопкам на островах Маркизских, Раизвае, Рапа-Ити, Питкэрн.

В статье (том II, отчет № 10), посвященной описанию статуи в культовом центре Ойпона (Хива, Оа, Маркизские острова), Хейердал делает вывод о том, что статуи Маркизских островов вряд ли могли служить прототипом рапануйских моаи. По его мнению, рапануйское искусство складывалось под влиянием культуры Тиахуанако, а истоки художественных традиций резчиков Маркизских островов следует искать в искусстве жителей северных Анд (на широте Эквадора и Колумбии). Эта статья интересна не столько тем, что в ней получили дальнейшее развитие диффузионистские взгляды ее автора, сколько тем, что Хейердал открыто признал здесь возможность влияния полинезийцев, и прежде всего маркизцев, в Южную Америку (стр. 151).

Особый интерес представляют, пожалуй, четыре антропологические статьи, опубликованные в этом томе. Остановимся на них несколько подробнее, так как одни данные, приводимые в этих работах, противоречат гипотезе Хейердала, другие подтверждают ее.

Американский антрополог Р. И. Мэррил в большой статье (том II, отчет № 13) дал подробный анализ и описание костных остатков и черепов, которые были обнаружены во время раскопок трех аху. Эти костные остатки, найденные норвежской экс-

⁸ См. указ. рецензию, «American Anthropologist», стр. 422; A. Métraux, Easter Island, London, 1957, стр. 223.

⁹ См., например, R. C. Suggs, The Archeology of Nuku Hiva, pp. 177—178; K. P. Emory, Y. H. Sinoto, Указ. паб.; R. Green, Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement, «The Journal of the Polynesian society», 1966, vol. 75, № 1, pp. 6—38; D. D. Tumarkin, V. I. Voitov, Navigational conditions of sea routes to Polynesia, Moscow, 1966; Y. H. Sinoto, A tentative prehistoric cultural sequence in the northern Marquesas Islands, French Polynesia, «The Journal of the Polynesian society», 1966, vol. 75, № 3. О новейших исследованиях ученых-океанистов, доложенных на конгрессе, см.: Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе, «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 155—165.

педицией, относятся к среднему и позднему периодам истории острова. Краниологический материал, морфологические характеристики, приводимые Мэррилом, показывают, что между рапануицами, жившими в эти периоды, существенной разницы нет. И «длинные» (ханау еепе) и «короткоухие» (ханау момоко) были полинезийцами.

Сравнение краниологических материалов с о-ва Пасхи с данными, полученными в других районах Полинезии (а также в Микронезии, Меланезии, Австралии), подтверждает родство рапануицев с полинезийцами. Мэррил также считает маловероятным, чтобы полинезийской миграции предшествовала, как считали ранее некоторые исследователи, меланезийская волна. Морфологические характеристики, полученные при изучении сохранившихся скелетов с Гавайских островов, северо-западного побережья Америки и островов Общества, о-ва Пасхи, мумий из Паракасского некрополя (Перу) и других районов перуанского побережья Тихого океана, не подтверждают, по мнению Мэррилла, гипотезу Хейердала о южноамериканском заселении Полинезии.

Серологические исследования, проведенные американскими исследователями Ч. Леоне и К. Каскеу на основе костных остатков (том II, отчет № 14), показывают, что у древних рапануицев преобладает группа О системы АВО. Авторы отчета считают, что отсутствие А и В у индейцев Южной Америки указывает на то, что имелись южноамериканские индейцы могли составить ядро населения о-ва Пасхи. Наличие нескольких костных остатков с группами крови А и В объясняется, по их мнению, поздними вторжениями на о-в Пасхи.

При оценке данных Леоне и Каскеу следует учитывать, что методика определения факторов крови по костным остаткам остается пока весьма несовершенной.

Мэррил же отмечает, что если мысленно двигаться от Восточной Азии в сторону Полинезии, то частота фактора В будет все время падать (Таиланд — 0,257, Индонезия — 0,164, Микронезия — 0,178, Меланезия — 0,128, Западная Полинезия — около 0,118), доходя в Восточной Полинезии до нуля. Мэррил полагает, что этот интересный факт является важным доказательством того, что полинезийцы, покинув свою прародину, обладали фактором В. Однако в условиях островной изоляции, которая способствует микроэволюции, они утратили почти полностью фактор В. Мэррил считает, что эволюция систем крови АВО, HN, Rh и др. у народов Юго-Восточной Азии (Индонезии, Микронезии, Полинезии, Австралии и у индейцев Америки (Северной и Южной)) говорит не столько о том, что Полинезия была заселена из Америки, а скорее о том, что полинезийцы и американские индейцы происходят от одного генетического древа, корни которого следует искать в Восточной Азии.

Хейердал в специальном примечании выразил несогласие с выводами Мэррилла, полагая, что костные остатки из трех аху не могут дать достаточно полного представления об антропологическом типе жителей о-ва Пасхи.

Р. Г. Симмонс, автор статьи, посвященной результатам серологических исследований среди полинезийцев, показывает, что между полинезийцами и американскими индейцами больше сходства в соотношении различных факторов крови (отсутствие В, высокий процент М, высокое R^2 , умеренное Fy^a), чем между полинезийцами и другими народами, живущими западнее и северо-западнее последних. Восточная Полинезия, по мнению автора отчета, была заселена небольшим числом переселенцев с Тонга, Самоа и Индонезии, случайно лишенных фактора В, и немногими переселенцами с востока (Южная Америка), у которых отсутствовал фактор В, но высокими были частоты М и частота отрицательного резуса (gen d). Прежде чем заселить всю Полинезию эти первые переселенцы долгое время жили в условиях изоляции (по крайней мере тысячелетие). Широких миграционных волн в Полинезию не было: полинезийцы распространились по островам Тихого океана благодаря случайным путешествиям. Симмонс считает, однако, что пока серология не может дать точного ответа на вопрос о происхождении полинезийцев и путях заселения Полинезии¹⁰.

Большая статья Хейердала (том II, отчет № 16), опубликованная во втором томе трудов экспедиции, посвящена проблемам рапануйского письма. В первых главах отчета дается подробное изложение того, как были обнаружены дощечки кохау-ронгоронго, кем из исследователей и когда были записаны наиболее интересные памятники рапануйского фольклора. Большой раздел статьи посвящен обзору рукописных записей, сделанных рапануицами (манускрипты А, В, С, D), которые были обнаружены на острове в последние годы. Вторая (меньшая) часть статьи посвящена рассмотрению проблем, которые до сих пор стоят перед специалистами, занимающимися языком и письмом рапануицев. Приведя высказывания исследователей о сходстве рапануйских знаков и знаков ряда других систем письма (например Южной

¹⁰ О том, как трактуются вопросы, связанные с особенностями полинезийской расы и заселением Полинезии, в советской антропологической науке, см. например: В. В. Бунак, С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 513—519; Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 88—90; Я. Я. Рогинский, О первоначальном заселении Полинезии (по материалам антропологии), «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 75—80.

Китай, древней Индии, индейцев куна, оджибвеев), Хейердал отмечает, что наибольшее сходство наблюдается между рапануйским письмом и письмом индейцев куна, а также аймара и кечуа, населяющих районы вокруг оз. Титикака. Он указывает на одинаковую роль текстов при отправлении этими народами религиозных церемоний, на сходство материала (дерево, камень) и начертаний некоторых знаков, на наличие бустрофедона на дощечках кохау ронгоронго и в андском письме. В этом Хейердал видит доказательство того, что на далекий о-в Пасхи письмо было принесено с перуанского побережья Южной Америки.

Можно предполагать, однако, что знаки рапануйского письма возникли на основе пиктографии, известной, например, по петроглифам, которые были обнаружены в различных районах Полинезии (на о-вах Тонга, Таити, Гавайских, Маркизских, Питкэрн, Новая Зеландия, Пасхи и других)¹¹. То, что иероглифические тексты написаны на рапануйском языке (или на каком-то полинезийском языке), доказывается сравнением особенностей, характерных для дощечек кохау ронгоронго и для рапануйского языка.

Сходство между рапануйским письмом и иероглифическим письмом индейцев, живущих на территории, прилегающей к Андам, объясняется, очевидно, стадийной близостью этих систем письма. Однако на нынешнем этапе исследования этой проблемы влияния перуанского письма на рапануйскую иероглифику совершенно исключить нельзя.

В конце отчета Хейердала в качестве приложений А, В, С, D напечатаны четыре небольших статьи (три из них написаны советскими авторами по просьбе руководителя Норвежской экспедиции), которые посвящены анализу иероглифических записей и фольклорных текстов в манускриптах с о-ва Пасхи¹².

В своем отчете Хейердал довольно подробно анализирует работы таких авторов, как П. Бак (Те Ранги Хироа), А. Метро, С. Энглерт, Р. Гейне-Гельдерн, Т. Бартель и другие, но, к сожалению, почти не останавливается на тех выводах, к которым пришли Д. А. Ольдерогге, Н. А. Бутников и Ю. В. Кнорозов¹³. Автор отчета даже не упоминает о большой статье Б. Г. Кудрявцева «Письменность острова Пасхи», опубликованной в 1949 г. в «Сборнике МАЭ»¹⁴. Последняя работа, статьи Д. А. Ольдерогге, а также опубликованная в 1924 г. статья А. Б. Пиотровского¹⁵ не указаны в списках цитируемой литературы, которые даны в конце каждого тома. В библиографическом разделе не приводятся также некоторые статьи зарубежных ученых, например статья Д. Ибарра Грассо о рапануйской письменности, большая статья Имбеллони о «говорящих дощечках»¹⁶, указанные выше работы Элберта, Эмори, Сагса, посвященные вопросам заселения Полинезии и о-ва Пасхи.

Оба тома снабжены большим количеством рисунков, схем, таблиц и хороших фотографий. Можно пожалеть только, что издатели не снабдили свои труд подробной картой о-ва Пасхи.

Несмотря на то, что большинство ученых не поддерживает гипотезу Хейердала о заселении о-ва Пасхи из Южной Америки, значение археологических работ, проведенных Норвежской экспедицией на островах Полинезии, несомненно велико. Экспедиция собрала интересный материал, многие образцы которого были датированы с помощью радиоуглеродного анализа. Применение радиоуглеродного анализа позволило уточнить датировку трех основных периодов в истории о-ва Пасхи и значительно отодвинуть назад дату первоначального заселения острова.

¹¹ См. например: P. K. Emory, Stone remains in Society Islands. Bernice P. Bishop Museum, Bull. 116. Honolulu, Hawaii, 1933, pp. 171—179; R. C. Suggs, The Archeology of Nuku Hiva, pp. 142—151.

¹² Th. Barthel, Native documents from Easter Island; J. V. Кнорозов, Manuscripts from Easter Island; I. K. Fedorova, Versions of myths and legends in manuscripts from Easter Island; A. M. Kondratov, The hieroglyphic signs and different lists in the manuscripts from Easter Island.

¹³ Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «кохау ронго ронго», Сб. МАЭ, 1949, т. XI; Н. А. Бутников, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, «Сов. этнография», 1956, № 4; их же, Новые материалы об острове Пасхи, «Сов. этнография», 1957, № 6.

¹⁴ Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, Сб. МАЭ, 1949, т. XI.

¹⁵ A. Piotrovski, Deux tablettes avec les marques gravées de l'île de Pâques de la collection de N. N. Mikloukh-Maclay, «Revue d'ethnographie et des traditions populaires», Paris, № 23—24, 1924.

¹⁶ D. E. Ibarra Grasso, La dirección de la lectura en la escritura Pascuana y las ultimas tentativas de interpretación de los investigadores de l'U. R. S. S., «Revista Geográfica Americana», Año XXIV, vol. XLI, 1957, № 245; J. Imbelloni, Las tabletas parlantes de Pascua, monumentos de una sistema gráfico indo-oceánico, «Runa», vol. IV, partes 1—2.

Достаточно широкие серологические исследования, проведенные на материалах экспедиции Хейердала, позволяют теперь более веско аргументировать вопросы, связанные с этногенезом рапануицев и полинезийцев в целом. Весьма ценным и интересным является указание Мэррилла на то, что нет данных, подтверждающих наличие меланезийского субстрата на о-ве Пасхи.

Если серологические исследования и не подтверждают гипотезу о заселении Полинезии из Южной Америки, они, однако, показывают, видимо, отдаленное общее происхождение коренных жителей Полинезии и Америки и существование между ними контактов еще до появления там европейцев. «Заслуга Тура Хейердала, — отметил недавно Я. Я. Рогинский, — состоит в том, что он первый с таким энтузиазмом и настойчивостью поставил перед антропологами, этнографами и археологами задачу выяснения этих взаимных влияний в пределах тихоокеанского круга»¹⁷.

К сожалению, Хейердал и Фердон, интерпретирующие материалы, собранные экспедицией на о-ве Пасхи и обобщающие результаты ее работы, рассматривают их всегда с точки зрения южноамериканской гипотезы. Особое внимание авторы уделяют именно тем чертам рапануйской культуры, которые, по их мнению, подтверждают эту гипотезу (том I, «Заключение»). А в таком серьезном издании хотелось бы найти широкий сравнительный материал. Он необходим тем более, что антропологический тип рапануицев, некоторые данные состава крови, родство рапануйского языка (и всех полинезийских языков) с языками Юго-Восточной Азии, сходство фольклорных традиций полинезийцев с фольклором других народов Океании и многие сходные черты культуры явно противоречат гипотезе южноамериканского заселения о-ва Пасхи.

Тем не менее оба тома трудов Норвежской экспедиции представляют собой весьма ценное исследование, в котором, с одной стороны, критически обобщаются уже известные данные, а с другой — приводится обширный новый материал. В этом издании можно найти различные сведения по археологии, антропологии, этнографии и языку о-ва Пасхи и некоторых других островов Восточной Полинезии. Второй том особенно интересен тем, что в нем приводятся различные точки зрения на заселение Полинезии и этногенез полинезийцев.

И. К. Федорова

¹⁷ Я. Я. Рогинский, Указ. раб., стр. 80.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Г. Г. Громов. *Методика этнографических экспедиций*, М., 1966 г., 119 стр.

Нужда в издании методического пособия для проведения полевых этнографических исследований очень велика, и выход книги Г. Г. Громова весьма своевременен. Пособие рассчитано не только на студентов-этнографов, но и на более широкий круг работников — сотрудников краеведческих музеев и всех тех, кто занимается изучением народного быта. Как отметил автор, «это первое в советской литературе систематическое изложение методики этнографических экспедиций». И действительно, хотя имеется немало методических разработок, программ, анкет, вопросников для полевой этнографической работы, но они посвящены отдельным сторонам быта и в большей своей части не опубликованы.

Методическое руководство Г. Г. Громова касается изучения лишь сельского населения и в основном традиционных форм быта. Вместе с тем, задачи современной этнографии давно вышли за рамки исследований только сельского населения. В настоящее время широко развернулось изучение культуры и быта рабочего класса, которое проводится во всех республиках Союза. Внимание этнографов все больше привлекает изучение городского населения в целом. Автор, на наш взгляд, излишне преуменьшает накопленный в этой области опыт (стр. 8) и по существу не касается этих проблем. Поэтому книгу Г. Г. Громова можно рассматривать как методическое руководство по изучению лишь крестьянства, и с этой точки зрения она, несомненно, заслуживает внимания.

Во введении к руководству характеризуется многообразие проблем этнографии и основные направления, по которым ведутся исследования: 1 — реконструкция истории первобытного общества; 2 — реконструкция истории культуры угнетенных масс в рабовладельческом и феодальном обществе; 3 — реконструкция истории культурных связей между народами и целыми историко-культурными областями в различные периоды мировой истории; 4 — исследование этнической специфики культуры различных народов; 5 — исследование этногенеза и этнической истории современных народов; 6 — исследование современности.

Замечание вызывает формулировка второго направления, которое было бы лучше озаглавить «Реконструкция истории культуры в рабовладельческом и феодальном